

духов зависит их благосостояние. Вместе с тем, гончарные демоны были наделены и человеческими слабостями. Несмотря на всю свою силу эти демоны способны были испытывать страх перед разного рода апотропеями. И естественно предположить, что гончар, считая себя целиком зависящим от этих духов, — а они ведь могли способствовать процветанию и богатству, а могли и разорить, — стремился принесением разного рода жертв задобрить и подкупить их⁴². В разные времена характер и состав жертвоприношения, по-видимому, был неодинаков. Так как мифический мир богов и духов, созданный воображением древних греков, являлся все же своеобразным отражением реальной действительности, то изменения, происходившие в ней, находили свое отражение в верованиях и связанных с ними обрядах и обычаях.

Характерно, что все более возрастающая с течением времени роль денег в хозяйственной жизни античного общества вела к проникновению денег в культ. В числе приношений, которые поступали от богомольцев в греческие святилища, начиная, по-видимому, с IV в. до н. э., стали применяться монеты⁴³. Жертва в виде монеты отныне рассматривалась в качестве средства, способного склонить божества к совершению благодеяния. Как известно, связанный с деньгами «коммерческий» подход в области культа нашел особенно яркое отражение в обряде сопровождения покойника «оболом Харона».

Принимая во внимание сказанное, может быть следует соответственно отнестись и к не совсем обычным черепкам с монетами, найденным в Мирмекии. Не являются ли они свидетельством того, что древние гончары, начиная с эллинистического времени, практиковали обычай умиловствования своих «гончарных духов» жертвой в виде монеты, включавшейся в глину, из которой делалась посуда?

Эта гипотеза, вероятно, могла бы считаться более прочно обоснованной, если бы удалось зарегистрировать больше таких «черепков с монетами», какие оказались в Мирмекии.

В этой связи мы хотели бы обратить внимание археологов, работающих над массовым античным керамическим материалом, на возможность присутствия монет в самой керамике. Если это иметь в виду, то не исключено, что число находок, подобных мирмекийским, значительно увеличится.

korinthischen Pinakes in Antiquarium der Koeniglichen Museum. JDAJ XII, 1897, стр. 36 рис. 683. Автор предполагал, что в этой фигурке следует видеть злого демона, угрожающего гончару; вместе с тем, он указывал, что такие фигурки использовались гончарами против вредного влияния, особенно — против дурного взгляда. Бем считал, что это изображен домовый, который в виде карлика может неожиданно появиться перед печью. — RE, Bd. IV, s. v. Syntrips; Bd. I-A, 2, s. v. Sabactes (Серия коринфских табличек с изображением гончарных печей недавно переиздана. см.: J. Ziomiński. Przedstawienia pieców na tabliczkach z Koryntu, Варшава, 1958, табл. III, 12).

⁴² Е. М. Пещерева сообщает, что у гончаров Средней Азии существовал обряд жертвоприношений. Так, прежде чем зажечь огонь во вновь сооруженной гончарной печи, у ее топочного отверстия резали козла или барана и его кровью обрызгивали печь. Подобную жертву также приносили, если подряд случалось несколько неудачных обжигов. Любопытно и существование у среднеазиатских гончаров термина «жженый хлеб». По предположению Е. М. Пещеревой — хлеб в древности приносился в жертву духам-покровителям ремесел путем сожжения, см.: Е. М. Пещерева, ук. соч. стр. 318, 353.

⁴³ А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье, СА, VII, 1941, стр. 152 слл.

ИЗ ИСТОРИИ МОНЕТНОГО ДЕЛА ОЛЬВИИ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

1. О времени выпуска монет с изображением стрелка

Вопрос о датировке ольвийских монет с именем Сострата, имеющих на лицевой стороне изображение женской головы в стеной короне, а на оборотной — изображение стрелка¹, был несколько лет назад рассмотрен в заметке М. Б. Парович². Анализируя случаи нахождения таких монет в могилах ольвийского некрополя совместно с хорошо датированной керамикой и другими предметами, М. Б. Парович отвергла их приурочение ко времени Мифрадата Евпатора, принятое в трудах советских нумизматов³, и восстановила в правах прежнюю датировку, согласно которой монеты с изображением лучника должны быть относимы к IV или к III вв. до н. э. Признавая, со своей стороны, приведенный М. Б. Парович материал достаточным для решения вопроса о времени чекана упомянутых монет, — свидетельства нетронутых погребальных комплексов заслуживают, несомненно, предпочтения по сравнению с не всегда достаточно обоснованными соображениями нумизматов, — мы полагаем, что затронутый М. Б. Парович вопрос заслуживает изучения и с чисто нумизматической точки зрения. Это необходимо, прежде всего, для уточнения даты выпуска монет с изображением стрелка в пределах слишком широких и расплывчатых границ, намеченных в статье М. Б. Парович; кроме того, перемещение этих монет на два—три столетия вглубь веков по отношению к дате, установленной для них А. Н. Зографом, неминуемо влечет за собой существенные изменения в общепринятых в настоящее время среди советских нумизматов и археологов датировках некоторых других монетных серий Ольвии.

¹ Эти монеты известны давно (J. Blagomberg. Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blagomberg a Odessa. Paris, 1822, табл. XV, 144), но первое их воспроизведение фотомеханическим способом дано только в 80-х гг. XIX в. (Московский Публичный и Румянцевский музей. Нумизматический кабинет. Вып. I. М., 1884, табл. I, 88-а; автор каталога А. М. Подшивалов). Ср. также П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря. Ч. I, Одесса, 1884, табл. VII, 152; В. Писк. Die antiken Muenzen Nord-Griechenlands. T. I, ч. I, Berlin, 1898, табл. X, I; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXIII, 21.

² М. Б. Парович. Про датування ольвійських монет із зображенням голови Тіхи. «Археологія», т. XI, 1957, стр. 157—159.

³ Например, А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 133.

Отнесение ольвийских монет с именем Сострата к IV или к III вв. до н. э. широко распространено в литературе. Уже Б. В. Кене датировал их периодом между 250 и 200 гг. до н. э.⁴; составители каталогов Лондонского и Берлинского музеев относили их либо к III в. до н. э., либо даже ко времени «ранее Александра»⁵; Б. В. Фармаковский и ряд других ученых — несколько неопределенно к IV—III или к III—I вв. до н. э.⁶ В связи с этим приобретает особенный интерес аргументация А. В. Орешникова и А. Н. Зографа, отодвинувших их дату, как сказано выше, ко времени Мифрадата Евпатора (120—63 гг. до н. э.). При этом невольно привлекает внимание тот факт, что А. В. Орешников дает свое хронологическое определение как бы мимоходом, говоря о совсем другой группе монет Ольвии, он замечает буквально следующее: «Кстати добавлю, что к началу I в. (до н. э.— П. К.) можно отнести еще одну разновидность типа ольвийских монет со стрелком, но с головой Тихи на лицевой стороне. Голова на ольвийской монете очень походит на тип головы Тихи, но в обратную сторону, на серебряных и медных монетах Херсонеса, чеканенных без сомнения в эпоху Мифрадата»⁷. А. Н. Зограф, принявший эту дату с некоторыми колебаниями еще в 1926 г., в своем итоговом исследовании называет монеты со стрелком «несомненно принадлежащими мифрадатовскому времени» и прибавляет, будто они могут быть сближены по фактуре с медью городов Понта и Пафлагонии, которая датируется концом II и началом I вв. до н. э. и часто встречается среди ольвийских монетных находок⁸.

Приведенные здесь полные высказывания двух крупных ученых нельзя, однако, признать устраивающими все сомнения относительно даты выпуска занимающих нас монет. Прежде всего, изображения богини на ольвийской монете с именем Сострата и на херсонесских драмах с именами Аполлония, Диотима и Мойрия имеют лишь самое общее сходство и значительно расходятся в трактовке деталей; достаточно сравнить пышные локоны, свободно вьющиеся вокруг головы ольвийской богини, и строгую прическу херсонесской Девы с собранными на затылке волосами⁹. С другой стороны, «плоская фактура с прямым краем», о которой

⁴ Б. В. Кене. Музей кн. В. В. Кочубея. Т. I, СПб., 1856, стр. 69.

⁵ A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. The Tauric Chersonese. London, 1877, стр. 11—12 (автор описания ольвийских монет—П. Гарднер); Koenigliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Muenzen. T. I. Berlin, 1888, стр. 26 (автор каталога—А. Заллет).

⁶ Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. ИАК, вып. 8, 1903, стр. 64; его же. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. ИАК, вып. 13, 1906, стр. 233—234; E. H. Minns. Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, стр. 485; G. F. Hill. Greek Coins acquired by the British Museum in 1929. NC, 5 сер., т. X, 1930, стр. 290; E. G. S. Robinson. Coins of Olbia. NC, 5 сер., т. XVII, 1937, стр. 94; K. Dittich, M. Hrbas, J. Marso. Antike Muenzen aus Olbia und Pantikapaum, Prag, 1959, стр. 146—147; ср. А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем Сарматии и Тавриды. НС, т. II, 1913, стр. 63; L. Fogger, The Weber Collection. T. II, London, 1924, стр. 163; Danish National Museum. The Royal Collection of Coins. Thrace. Ч. I, Copenhagen, 1942, текст к табл. II, 97.

⁷ А. В. Орешников. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИРАИМК, т. I, 1921, стр. 234—235.

⁸ А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 133. Ср. его же, К вопросу об изображении стрельбы из лука на монетах Ольвии и Херсонеса, сборник в честь акад. С. А. Жебелева, Л., 1926, стр. 146—148.

⁹ В. Риск. Ук. соч., табл. X, I; E. H. Minns. Ук. соч., табл. III, 3; G. F. Hill. Ук. соч., табл. XIX, 4; ср. А. Н. Зограф. Античные монеты. Табл. XXXVI, 12—14; А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, т. XXVI, 1906, табл. II, 12—17.

шет А. Н. Зограф применительно к занимающим нас монетам, отнюдь типична для серии с именем Сострата; реверс этих монет при удовлетворительной сохранности монетного кружка всегда имеет правильную форму вдавленности, обычно уже исчезающую на монетах императорского и даже позднеэллинистического времени. Остается поэтому рассмотреть другую сторону аргументации А. В. Орешникова, а именно, деление им времени выпуска тех ольвийских монет, путем сравнения которыми он пришел к своему выводу относительно хронологии занимающей нас серии с именем Сострата.

Монеты, которые имеет в виду А. В. Орешников, представляют собой две близких серии по три номинала в каждой. На монетах старшего номинала обеих серий помещена голова бородатого бога (скорее всего, великого бога) Фракии) и скифское оружие; на монетах среднего и младшего номиналов находим безбородую мужскую голову, а на оборотной стороне либо стрелок, либо горит. Различие между сериями состоит в том, что на одних монетах встречаем сокращения магистратских чеканов — ΘΕΟ и ΘΕΥ, ΦΟΒΕ, ΘΡΑ¹⁰, а на других—надпись ΟΙ ΕΠΤΑ. Первая показывает, что чекан их находился в руках коллегии Семи¹¹. Вторая монета старшего и среднего сорта надчеканена изображением виноградной кисти¹²; если добавить, что некоторые экземпляры среднего сорта отчеканены прямо на ольвийских монетах предшествующих выпусков¹³, а другие сами послужили в дальнейшем материалом для новых перечеканок¹⁴, то этим можно закончить характеристику указанных серий.

Изучая изображение безбородой головы на монетах с буквами ΘΕΟ, ΘΡΑ или ΟΙ ΕΠΤΑ, А. В. Орешников пришел к убеждению, что на них представлено не изображение божества, а портрет Мифрадата Евпатора. На этом основании серия, выпущенная от имени коллегии Семи, отнесена им к началу I в. до н. э., а монеты с бородатой головой признаны несколько более ранними¹⁵. На основании сходства в изображении стрелка указанными сериями сближаются и монеты с именем Сострата¹⁶.

¹⁰ J. V. Aramburg. Ук. соч., табл. XII, 127; табл. XV, 149, 151; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. III, 23; табл. V, 92—95; А. В. Орешников. Каталог собрания монет г-ра А. С. Уварова. Вып. VII, М., 1887, стр. 13, № 108; стр. 21, № 184.

¹¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIII, 18—20; В. Риск. Ук. соч., т. IX, 32; табл. X, 5—6; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. V, 91 и 98.

¹² П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. V, 96; А. В. Орешников. Каталог Уварова. стр. 13, № 108; стр. 21, № 183; ср. А. Н. Зограф, Античные монеты, стр. 136.

¹³ Эти перечеканки всегда крупнее прочих монет того же номинала; см. Е. Н. Миннс. Ук. соч., табл. III, 7; ср. А. В. Орешников, Этюды по нумизматике, стр. 233.

¹⁴ Типами: голова Афины — дельфин; см. П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VI, 1; В. Риск. Ук. соч., табл. X, 7. Ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 136.

¹⁵ А. В. Орешников. Этюды по нумизматике, стр. 234—235. М. Б. Парович ошибочно приписывает Орешникову отождествление с портретом Мифрадата бородатой головы на монетах с надписью ΟΙ ΕΠΤΑ (ук. соч., стр. 157).

¹⁶ Следует заметить, что если на указанных А. В. Орешниковым монетах действительно помещен портрет Мифрадата, то их не приходится датировать «концом I в.», а скорее началом I в., а только временем после 89—88 гг. до н. э. Дело в том, что изображение на ольвийской монете можно сближать только с так наз. «идеализированным» портретом царя, явно ориентирующимся на монетные изображения Александра; более ранний портрет Мифрадата на его первых золотых и серебряных монетах не имеет ни малейшего сходства с типом ольвийских монет. Ср. G. Kleiner. Die Typen und Gestalt des Mithradates. JDAI, т. 68, вып. 1—4, 1953, стр. 78—80; W. H. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Recueil général des monnaies grecques et romaines. T. I, вып. I, Paris, 1904, стр. 13, 16; табл. 11, 12 слл.

Хотя портреты Мифрадата Евпатора в период расцвета его держав действительно встречаются на монетах некоторых греческих городов, живавших вне пределов Понтийского царства и подвластных ему земель, но в данном конкретном случае и сам А. Н. Зограф, полностью принявший хронологические выводы А. В. Орешникова, отмечает шаткость его иконографических сближений¹⁷. Да и А. В. Орешников вынужден указать буквально на следующей странице своего труда, что вопрос о сходстве изображений на древних монетах решается при отсутствии прямых указаний почти всегда слишком субъективно¹⁸. Однако, если не настаивать на отождествлении изображений на ольвийской меди с портретом Мифрадата, то вся датировка А. В. Орешникова и следующего за ним А. Н. Зографа лишается своего единственного основания.

Против точки зрения А. В. Орешникова нельзя не привести и еще одно соображение. Разделяя его взгляды, первым по времени изображением лучника на монетах Ольвии приходится считать изображение на монетах коллегии Семи и близких к ним монетах с сокращениями ΘΕ и ΘΡΑ, за которыми следует его повторение на монетах с именем Сострата, а затем на всех прочих монетах с этим типом. Но достаточно обратиться к самым монетам с изображениями лучника²⁰, чтобы отказаться от такой последовательности. В самом деле, чем можно было бы объяснить, почему небрежное и мало выразительное изображение стрелка на монетах коллегии Семи сменяется затем великолепным в своей лаконичной завершенности изображением на монетах Сострата, и при этом с тем, чтобы в дальнейшем снова эволюционизировать в сторону ухудшения стиля? С этой точки зрения следует настаивать на иной последовательности ольвийских монет с лучником, переместив выпуск Семи и связанные с ним серии с именами ΘΕΟ и ΘΡΑ на последнее по времени место в эволюционном ряду.

Но если ольвийские монеты со стрелком и именем Сострата намного древнее, чем эпоха Мифрадата Евпатора, то необходимо ответить на вопрос о том, когда вообще стал возможным такой тип монетного изображения, с одной стороны, и тип женской головы в стенной короне — другой.

Тип коленопреклоненного воина с луком берет свое начало от хорошо известных древнему миру дариков и сиклов, золотых и серебряных монет Ахеменидского царства²¹. Это изображение было не раз повторено на монетах сатрапов и династов Малой Азии и Кипра²², причем уже около 440 г. до н. э. на статерах и тетроболах, битых неизвестным правителем в Тарсе, в эту схему вносится важное изменение: если в правой руке царя первоначально изображался скипетр или жезл, то теперь он был представлен пускающим стрелу из своего лука²³. Этот новый мотив был

скоре усвоен царским монетным двором, так что уже в начале IV в. до н. э. дарики в просторечии назывались «стрелками», τοξοται²⁴. Царь, пускающий стрелу, появляется затем на монетах другого киликийского династа²⁵, на монетах Евагора, чеканенных в Саламине на Кипре²⁶ и т. д. — полноценное художественное воплощение образ царя-лучника получает на Востоке на редких тетрадрахмах карийского династа Оронтопата²⁷. Впрочем, последний персидский царь Дарий Кодоман, Мемнон в Эфесе и резчики штемпелей для последних серий дариков, выпущенных уже при Александре и при первых диадохах, возвращаются к архаической сходной схеме коленопреклоненного (или застывшего в так наз. «беге на колени») царя с луком²⁸.

В Элладе и на островах Архипелага тип коленопреклоненного стрелка не принадлежит к числу особенно распространенных, однако мы находим его, вероятно, уже в самом начале V в. до н. э., на монетах Прайоса на Крите, а затем, примерно в 40-х гг. того же века, на замечательном по художественному исполнению серебряном статере Фив. В обеих лучах представлен не царь, а Геракл; на критских монетах он трактован еще в архаической схеме Knielauf'a²⁹, а на фиванском статере герой представлен присевшим на согнутой ноге и далеко выдвинувшим вперед другую; в этом неустойчивом положении он пускает стрелу из небольшого, горизонтально поставленного лука³⁰. Разработанный, в отличие от критского типа, вне всякой зависимости от персидского влияния, фиванский Геракл не оказал воздействия на монетное дело Эллады; это можно повторить и относительно одновременных или несколько позднейших изображений стрелков, встречающихся в виде магистратского символа на некоторых монетах Коринфа³¹. Но зато явно тяготеющий к ахеменидскому типу Геракл-лучник на многочисленных и широко распространенных монетах Фасоса, битых между 411 и 340 гг. до н. э., не остался без влияния на монетные изображения греческого мира³². Не имея в данном случае необходимости проследивать за дальнейшим распространением и эволюцией этого изображения, мы считаем нужным подчеркнуть лишь то, что со времени выпуска фасосских монет оно прочно входит в состав греческой монетной типологии³³. Таким образом, появление лучника на монетах Ольвии в конце IV или в III вв. до н. э. не требует специального разъяснения.

Точно так же обстоит дело и с изображением богини в стенной короне. Хотя считается, что этот мотив получил широкое распространение

²⁴ Ср. анекдот об Агесилае у Плутарха (Plut., Apophth. Lacon., 40; E. Vabillon, U. K. соч., ч. II, т. I, табл. 87, 1—5).

²⁵ E. Vabillon, U. K. соч., ч. II, т. II, табл. 107, 10—11.

²⁶ Там же, табл. 91, 9—15.

²⁷ Там же, табл. 91, 6.

²⁸ Там же, табл. 87, 21—24; табл. 89, 6—14; ср. табл. 115, 1—2, 12, 18—19 и 26—29.

²⁹ J. N. Svoronos, Numismatique de la Crète ancienne. Ч. I, Macon, 1890, табл. XXVII, 1—10.

³⁰ K. Regling, Die antike Muenze als Kunstwerk. Berlin, 1924, табл. XIV, 337; ср. E. Vabillon, U. K. соч., ч. II, т. III, 1914, табл. 199, 24.

³¹ J. B. Samman, The Symbols on Staters of Corinthian Type. NNM, № 53, 1932, табл. 1, 10; табл. V, 58.

³² K. Regling, U. K. соч., табл. XXII, 486; ср. A. B. West, Fifth and Fourth Century Gold Coins from Thracian Coast. NNM, № 40, 1929, табл. II—VI (корпус).

³³ L. Anson, Numismata Graeca. Т. II, London, 1911, стр. 11—33, табл. II—VII; ср. R. Dubois-Reymond, Bogen und Bogenschienen auf griechischen Muenzen. ZfN., т. 35, 1925, стр. 241—250.

¹⁷ Th. Reinach, Essai sur la numismatique des rois de Pont. RN, 3 sep., т. 1888, стр. 447—448; ср. G. Kleiner, U. K. соч., стр. 87—88.

¹⁸ А. Н. Зограф, Античные монеты, стр. 133.

¹⁹ А. В. Орешников, Этюды по нумизматике, стр. 236.

²⁰ А. Н. Зограф, Античные монеты, табл. XXXIII, 19 и 21; В. Риск, U. K. соч., табл. X, 1—5; П. О. Бурачков, U. K. соч., табл. V, 91—96; табл. VII, 152—160.

²¹ E. Vabillon, Traité des monnaies grecques et romaines. Ч. II, т. I, Paris, 1900, табл. X, 13—23; т. II, 1910, табл. 86, 1—25.

²² Например, на монетах известного Тиссаферна; E. Vabillon, U. K. соч., ч. I, т. I, табл. 88, 10—12.

²³ Там же, ч. II, т. II, табл. 106, 1—4.

лишь в позднеэллинистическое время³⁴, однако это не совсем так. Помещение на монетах изображений головы или целой статуи антиохийской богини Τυχη работы скульптора Евтихида, ученика Лисиппа, явилось только толчком, вызвавшим волну подражаний, но отнюдь не исходным пунктом развития этого типа вообще. Для цели настоящей работы достаточно напомнить, что на берегах Евксинского Понта мы встречаем изображение Геры или нимфы в стеной короне еще на сиклах Амисских чеканенных в V в. до н. э.³⁵, а в IV в. подобные изображения богинь или нимф распространяются не только по южному побережью Понта, где мы находим их на статерах Гераклеи, на мелком серебре Кромны и Синопы³⁶, но достигают и таврической Керкинитиды³⁷. В силу этого тип монетных изображений на ольвийской меди с именем Сострата никак не могут служить препятствием для отнесения ее к последним десятилетиям IV в. до н. э.

Что касается содержания типов занимающих нас монет, то они часто описывались и определялись неточно. Так, богиню на их аверсе чаще всего считали Тихе³⁸, иногда даже Астартой³⁹. Между тем не приходится сомневаться, что перед нами Деметра, как это следует из того, что согопа *μηγάλις* на голове богини украшена колосьями⁴⁰. Изображение Тихе заметим кстати, получило широкое распространение не ранее II в. до н. э.; Деметра, напротив, воспроизводилась ольвиополитами в IV в. до н. э. почти на всех типах монет — мы встречаем изображение Деметры и на последней серии литых ассов⁴¹, и на серебряных статерах и драхмах⁴², и на золотых монетах⁴³, и на многочисленных сериях меди⁴⁴; культе этой богини в Ольвии свидетельствуют также и письменные источники⁴⁵. Связь культа Деметры с земледелием делает понятным ее популярность среди ольвиополитов, равным образом как и среди жителей

³⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 151; его же. Статуарные типы изображения Девы в Херсонесе. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 359—360; ср. В. В. Неаполитанский. Historia Numorum. Oxford, 1911, стр. 732, 779.

³⁵ W. H. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Ук. соч., т. I, вып. I, табл. VI, 16—32; табл. VII, 1—4.

³⁶ Там же, т. I, вып. 2, 1908, табл. LV, 26—34; вып. I, табл. XXI, 23—26; табл. XXV, 26—34.

³⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXVIII, 16; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. XIII, I; А. В. Орешников. Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья. М., 1892, табл. I, 1—2.

³⁸ Б. В. Кене. Ук. соч., стр. 56, 67; А. М. Подшивалов. Ук. соч., стр. 9; А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований; стр. 64; А. В. Орешников. Этюды по нумизматике, стр. 235; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 133, 137 и мн. др.

³⁹ А. С. Уваров. Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря. Вып. I, СПб., 1851, стр. III.

⁴⁰ На это обратил впервые внимание Стефани (Кене считал, что корона богини украшена лаврами); Л. Стефани. Объяснение нескольких древностей, найденных в 1864 г. в южной России, ОАК за 1865 г., СПб., 1866, стр. 19. Мнение Стефани разделял П. О. Бурачков, А. Заллет, Э. Миннз, Э. Робинсон (ср. выше, прим. 5—6).

⁴¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 4.

⁴² Там же, табл. XXXII, 2—3, 7.

⁴³ В. Риск. Ук. соч., табл. IX, 1 и 18.

⁴⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 4—13; В. Риск. Ук. соч., табл. IX, 3—8; 10—23; табл. X, 11—13.

⁴⁵ Herod., IV, 53; ср. IOSPE, I², № 169; И. И. Толстой. Греческие граффиты древних городов Северного Причерноморья. М.-Л., 1953, №№ 23, 28, 33. См. также Дж. М. Хирст. Ольвийские культы. ИАК, вып. 27, 1908, стр. 99.

и других северопонтийских городов⁴⁶. В силу этого, появление изображения именно этой богини и на занимающей нас серии ольвийских монет представляется вполне закономерным.

Несколько сложнее обстоит дело с изображением стрелка на реверсе монет Сострата. Многие хотели усмотреть в нем изображение скифского лучника, но единственный довод, какой приводили в пользу такого взгляда, заключался в указании на его якобы скифский костюм⁴⁷. Однако изучение значительного количества монет хорошей сохранности приводит к противоположному заключению: на ольвийских монетах стрелок имеет ничего общего с изображениями лучников-скифов на произведениях торевтики или на монетах, где они одеты в кафтан, шаровары и гетры сапожки⁴⁸; нет на нем и греческого одеяния и вооружения, как стрелках, представленных на греческих вазах⁴⁹; перед нами воин, греческая нагота которого скрадывается лишь висящим у бедра горим; отчетливо различимы мышцы спины, ног и рук, так что ни о скифском, ни вообще о каком бы то ни было костюме не может быть речи⁵⁰. Перед нами, таким образом, отнюдь не варвар; более того, сравнение с монетой Сострата о некоторыми херсонесскими монетами близкого времени позволяет думать об агонистическом характере этого типа⁵¹. Такая задача укрепляется в связи с тем, что состязания в стрельбе из лука действительно входили в состав ольвийских агонов IV—I вв. до н. э., связанных с культом Ахилла Понтарха⁵². Впрочем, роль лучников в ольвийском войске этого времени была настолько велика⁵³, что и не настанет на приведенном выше предположении нетрудно объяснить появление стрелков на ольвийских медных монетах⁵⁴.

Касааясь указанных монет с точки зрения их исполнения и стиля, нельзя не заметить, что выпуск, отмеченный именем Сострата, принадлежит к числу лучших произведений ольвийского монетного искусства⁵⁵ и вурочение его ко времени высшего экономического и культурного подъема Ольвии гораздо естественнее, чем к I в. до н. э. Не останавливаясь на перечислении художественных достоинств изображения Де-

⁴⁶ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 12—16.

⁴⁷ См., например, А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 137.

⁴⁸ Например, на серебряной чаше из кургана Солоха (В. Д. Блаватский. Археологические находки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 17, рис. 7) или на серебряных монетах скифского царя Атея, чеканенных в Калатисе (F. Imhoof-Blumer. Zur griechischen und roemischen Numismatik. RSN, IV, 1908, табл. VI, 22; G. F. Hill. Greek Coins acquired by the British Museum in 1890—1910. NC, 4 ser., т. XII, 1912, табл. VI, 5; ср. А. Погалски. Образец на Армада вверху монеты от Калатис. ИВАД, т. X, 1956, стр. 123, рис. 2; его же. Монеты с именем на скифский цар Атей, ИВАД, т. XII, 1961, стр. 23—27).

⁴⁹ Например, на гидрии из Одесского музея (Б. В. Фармаковский. Вазовая роспись и ее отношение к монументальному искусству в эпоху непосредственно после персидских войн. СПб., 1906, табл. XVII, ср. стр. 349).

⁵⁰ В. Риск. Ук. соч., табл. X, 1—5.

⁵¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 148; его же. Две херсонесские монеты, принадлежащие к различным типам. ИРАИМК, т. V, 1927, стр. 388—392.

⁵² IOSPE, I², №№ 195 и 34. Ср. E. von Stern. Der Pfeilschuss des Olbiopoliten Agoras. JOAI, т. IV, вып. 1, 1901, стр. 54—61; ср. М. М. Кубланов. Легенда о статуе Ахилла и ольвийские агонистические праздники. МИРА, т. I, 1957, стр. 266.

⁵³ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела, стр. 79—80.

⁵⁴ Ср. E. N. Minns. Ук. соч., стр. 66, прим. 1, также стр. 465.

⁵⁵ Ср. отзыв Заллета: „von sehr schoenem, fuer Olbia ganz ungewoehnlichem Stil.“ (Munich. Museum zu Berlin. Beschreibung der antiken Muenzen, т. I, стр. 26).

метры, укажем в особенности на великолепное, полное экспрессии и жизненности выполнение лучника; напряженно согнутая спина его с ясно проступающей мускулатурой, анатомически безупречно переданные руки и ноги, вся композиция этого образа, удачно размещенного в тесных пределах небольшого монетного кружка — все говорит о незаурядно наблюдательности, таланте и высоком профессиональном мастерстве резчика штемпелей.

Обращаясь в поисках более близких стилистических и технических аналогий к монетам Ольвии, мы встречаем чрезвычайно похожую трактовку лица и прически Деметры на некоторых серебряных статерах, датированных с относительной точностью временем около 340—335 гг. до н. э.⁵⁶ На ранних статерах мы находим гораздо более простую модель прически и ровку волос⁵⁷, а последующие серии ольвийских серебряных монет с изображением Деметры своими неестественно и небрежно ниспадающими локонами представляют аналогию уже не монетам Сострата, а более поздним выпускам однотипной меди⁵⁸. С другой стороны, индивидуальная и аккуратная отливка монетных кружков, а также ровная и сравнительно небольшая вогнутость реверса в соединении с почти вовсе плоским аверсом находят точное соответствие в фактурных признаках первых выпусков ольвийской меди с изображениями бородатого речного божества и скифского оружия; начало выпуска этих монет приходится, по всей вероятности, на время, близкое к началу последней четверти IV в. до н. э.⁵⁹

На основании всего изложенного, нам представляется, что монеты с именем Сострата должны быть датированы концом предпоследней или началом последней четверти того же IV в. до н. э. Такому определению не противоречат и палеографические признаки надписей, помещенных на их реверсе. Тонкие, ровные буквы слов $\text{O}\Lambda\text{B}\text{I}\text{O}$ и $\Sigma\text{O}\Sigma\text{T}\text{P}\text{A}\text{T}\text{O}\Sigma$, размещающихся под ногами и за спиной лучника, «сигма» с непараллельными линиями, отлично различимая на монетах хорошей сохранности, своеобразная форма «беты» — все указывает на сравнительно раннюю эпоху. Наконец, само наличие полностью выписанного магистратского имени $\Sigma\omega\sigma\tau\rho\alpha\tau\omicron\varsigma$ невольно ассоциируется с надписями $\text{A}\text{P}\text{I}\Sigma$ и $\text{M}\text{O}\Sigma\text{X}$ на статерах, битых в 30-х гг. IV в. до н. э.⁶⁰

Относя первые монеты со стрелком ко времени около 325 г. до н. э., следует указать их место среди прочих медных монет этого времени. В самом деле, серебряные статеры с сокращениями $\text{A}\text{P}\text{I}\Sigma$ и $\text{M}\text{O}\Sigma\text{X}$ одновременно крупным медным монетам с очень схожими изображениями и теми же именами⁶¹; эта крупная медь тяготеет к весовой норме около

10 г. Другие медные монеты, которые по фактурным и стилистическим признакам должны быть отнесены к рубежу третьей и четвертой четверти IV в. до н. э., представляют собой мелкие и мельчайшие номиналы, веса которых колеблются около 1—2 г.⁶² Монеты с именем Сострата, весящие в среднем около 4,5—5,5 г, естественно вклиняются между ними, служа промежуточным номиналом в ряду, члены которого отделились друг к другу как 8:4:2:1.

Из сказанного видно, что отнесение монет с именем Сострата к началу последней четверти IV в. до н. э., которое вытекает из совместного нахождения в непо потревоженных погребениях совместно с керамикой конца IV и первой половины III вв. до н. э.⁶³, может быть обосновано и изучением самих монет с нумизматической точки зрения. То обстоятельство, что они встречены совместно с посудой III в. до н. э., отнюдь не позволяет датировать их тем же столетием: во всем греческом мире, и в том числе в Ольвии, в могилы очень часто попадают монеты, имевшие в это время их превращения в «обол Харона» весьма почтенную древность, быть может, даже вышедшие из обращения⁶⁴.

Следя за дальнейшим развитием типа коленапоклоненного лучника на монетах Ольвии, мы находим вслед за монетами с именем Сострата несколько выпусков медных монет такого же веса и размера, но значительно худшего стиля; они отмечены монограммами из букв Λ и P или A и A , которые, к слову сказать, известны и на «борисфенах», принадлежащих уже к началу III в. до н. э.⁶⁵ После этого размер и вес монет с изображениями богини в стеной короне и стрелка резко уменьшается (от 4,5—5 г до 1,5—2,5) и на них появляется несколько новых буквенных сочетаний — ΛA , $\Lambda\text{A}\Phi$ ($\Phi\Lambda\text{A}$), BA , монограммы из букв AP и HP , и т. п., некоторые из этих сокращений также известны на «борисфенах» первой половины III в. до н. э.⁶⁶ Не лишено значения, что на части мелких монет с изображением стрелка голова Деметры имеет те же размеры, что и на предшествовавших выпусках подобных монет, равной величины с выпуском, отмеченным именем Сострата⁶⁷, тогда как в большинстве случаев головка богини уменьшена пропорционально уменьшению монетных кружков⁶⁸. Этот ряд завершается довольно грубыми по исполнению монетами, среди которых попадаются экземпляры с искаженной надписью — OBIO ⁶⁹.

Для объяснения причин падения веса монет со стрелком следует помнить, что подобное резкое уменьшение одновременно с ухудшением стиля наблюдается и среди названных выше медных монет с изобра-

⁵⁶ В. Риск. Ук. соч., табл. X, 1; Koenigliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Muenzen. T. I. табл. II, 20. Ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 2. П. О. Карышковский. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э. КСИИМК, вып. 66, 1956, табл. IV, 7.

⁵⁷ П. О. Карышковский. Ук. соч., табл. IV, 1, 3, 5.

⁵⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 3; П. О. Карышковский. Ук. соч., табл. IV, 29, 31—32, 37. Ср. также В. Риск. Ук. соч., табл. X, 2—4.

⁵⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 14—15; В. Риск. Ук. соч., табл. IX, 27. Ср. П. О. Карышковский. О времени выпуска ольвийских монет с изображением речного божества. ВДИ, 1957, № 2, стр. 141—144.

⁶⁰ П. О. Карышковский. О классификации серебряных статеров, стр. 75, №№ 7—8.

⁶¹ В. Риск. Ук. соч., табл. IX, 3. G. F. Hill. Greek Coins acquired in 1925, табл. XIX, 3. Ср. П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. V, 137 и табл. VII, 138—139.

⁶² В. Риск. Ук. соч., табл. IX, 5—8; несколько более поздними представляются монеты, представленные там же под №№ 16—17 и 21—23; ср. П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. IV, 52; VI, 131; VII, 140, 146, 148.

⁶³ М. Б. Парович. Ук. соч., стр. 158—159.

⁶⁴ Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1901 г. ОАК за 1901 г., стр. 20; о же. Раскопки в Ольвии в 1902 г. ОАК за 1902 г., стр. 13 и мн. др.

⁶⁵ В. Риск. Ук. соч., табл. X, 3; А. В. Орешников. Каталог Уварова, стр. 10, 67; ср. также А. М. Подшивалов. Ук. соч., стр. 9, № 89; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 21.

⁶⁶ П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VII, 155—158; А. М. Подшивалов. Ук. соч., стр. 10, № 91; ср. «борисфены» — там же, стр. 3—4, №№ 13, 16, 21, 33.

⁶⁷ Например, В. Риск. Ук. соч., табл. X, 2; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VII, 155, 160.

⁶⁸ Например, П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VII, 158—159.

⁶⁹ П. О. Карышковский. Несколько неизданных монет античного Причерноморья. Труды ГИМ, вып. XXVI, 1957, табл. I, 6.

жениями Деметры и орла на дельфине — здесь вес падает от 9—10 г до 2,5—3,5 г и одновременно вместо простых сокращений имен (ΑΡΙ ΜΟ Σ Χ, ΑΚΕ, ΒΑΤ Ω, ΗΡΑ, ΚΛ Ε, ΜΗΝ, ΠΑΥ)⁷⁰ появляются довольно сложные монограммы⁷¹. Это падение веса и уменьшение размеров бликов по времени друг к другу выпусков меди не представляется нам случайным и находит объяснение в том, что первоначально и крупные монеты с орлом и дельфином, и непосредственно следующие по времени с ними монеты со стрелком были связаны в обращении с последней серией литых ассов. Когда же последние были в 20-х гг. IV в. до н. э. заменены «борисфенами»⁷², веса серий чеканной меди, начавших поступать в обращение еще до отмены полноценных медных оболлов, были, как и следовало ожидать, значительно понижены. Однако, отношение веса как 2:1 было удержано для обеих чеканных серий и после редукиции. Тем не менее обе редуцированные серии удержались в обращении сравнительно долго и выпускались, по-видимому, со значительными перерывами, после того, как ольвиополиты прекратили чекан серебра по эгинской системе, старые типы разменной меди были заменены другими видами медных монет, которые с этого времени почти всегда объединяются в серии из трех номиналов каждая⁷³.

Особняком среди монет со стрелком стоят мелкие серебряные монетки с такими же изображениями Деметры в стеной короне, но всегда без колосьев; если не говорить о стиле, значительно уступающем меди монетам с именем Сострата, то они во всем ей подобны, только богиня обращена здесь всегда вправо⁷⁴. Утверждение А. Л. Бертъе-Делагарда о том, что на этом серебре нет имени города, неверно: уже А. Заллет отметил наличие на берлинском экземпляре «лямбды» за спиной лучника⁷⁵, а на монетах хорошей сохранности ясно читаются две первые буквы имени города — ОΛ. Такая же надпись помещена слева в поле на экземпляре с теми же изображениями, но вдвое меньшего веса⁷⁶.

При определении времени выпуска указанной серии серебряных монет, старший номинал которой имеет вес около 1,6—1,7 г (вес уникального экземпляра младшего номинала составляет лишь 0,78 г)⁷⁷, мы не можем присоединять их к выпускам серебряных монет 280—240 гг. до н. э. и к эмиссиям последующих лет — дело в том, что со второй четверти III в. и до прекращения чекана серебра все ольвийские серебряные монеты любого достоинства были снабжены сокращениями имен ольвийских архонтов либо должностных лиц, отвечавших непосредственно за работу

⁷⁰ Ср. выше, прим. 61; см. также Б. В. Кенне, Ук. соч., стр. 65.

⁷¹ А. Н. Зограф, Античные монеты, табл. XXXII, 5; В. Риск, Ук. соч., табл. I, 4; П. О. Бурачков, Ук. соч., табл. VII, 140 и 148.

⁷² А. Н. Зограф, Античные монеты, стр. 123 и 128; ср. П. И. Карышковский, З історії Ольвії в IV ст. до н. е. Праці ОДУ, т. 146, сер. ист. наук, вып. 1956, стр. 167—174.

⁷³ Самая ранняя серия — В. Риск, Ук. соч., табл. IX, 21—23; самая поздняя представлена медью Скилура.

⁷⁴ В. Риск, Ук. соч., табл. X, 4; П. О. Бурачков, Ук. соч., табл. VII, 161.

⁷⁵ А. Л. Бертъе-Делагард, Материалы для весовых исследований, стр. 12, прим. 8; ср. Koenigliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Muenzen, T. 1, стр. 19, № 37.

⁷⁶ E. G. S. Robinson, Ук. соч., стр. 93, № 8.

⁷⁷ А. Л. Бертъе-Делагард, Материалы для весовых исследований, стр. № 10; E. G. S. Robinson, Ук. соч., стр. 93, № 8. В книге К. Диттриха и его коллег средний вес 0,78 г, ошибочно показан для всех серебряных монет со стрелком (стр. I, № 32).

монетного двора⁷⁸. Поэтому серебряные монеты со стрелком следует считать более ранними, чем монеты, выпущенные после 280 г. до н. э. С другой стороны, серебряные монетки с изображением лучника значительно отстают от рассмотренных выше монет с именем Сострата; в силу этого они могут быть отнесены к первым десятилетиям III в. до н. э.

Если изложенные выше соображения заслуживают внимания, то мы можем указать и ту серию ольвийского серебра, к которой непосредственно примыкают монетки со стрелком. До середины предпоследнего десятилетия IV в. до н. э. серебряные статеры Ольвии и примыкающие к ним драхмы были отмечены сокращениями магистратских имен; однако статеры и гемидрахмы, выпущенные примерно между 315—300 гг. до н. э., лишены всяких дифферентов или буквенных указаний на монетных знаках и иных магистратов Ольвии⁷⁹. Мелкие золотые монетки, близкие по типу к упомянутым серебряным статерам и гемидрахмам, следует отнести к первому десятилетию III в. до н. э.⁸⁰; нельзя при этом не отметить, что на этом золоте имя города сокращено до двух первых букв, т. е. оно в той редкой форме, в какой оно представлено и на серебряных монетах с изображением стрелка.

Таким образом, в начале III в. до н. э. в Ольвии обращались, говоря о монетах из благородных металлов, во-первых, золотые гемидрахмы эгинской системы (ср. вес 2,12 г)⁸¹; во-вторых, серебряные статеры и гемидрахмы эгинской системы (ср. веса соответственно 12,43 и 2,94 г)⁸²; в-третьих, два номинала мелких серебряных монет с изображением лучника, средние веса которых составляют 1,65 и 0,78 г⁸³. Не приходится сомневаться, что и эти монетки принадлежат к той же эгинской системе. В рамках которой они должны рассматриваться как диобол и обол⁸⁴. Впуск мелких номиналов серебра, вообще весьма редких в Ольвии, вполне понятен: лет за тридцать до этого ольвиополиты прекратили отчеканку полноценных медных оболлов, а курс заменивших их «борисфенов» к тому времени, судя по начинающейся деградации этих монет, начал колебаться; в таких условиях роль мелких серебряных монет была весьма значительна.

Что касается, наконец, последних ольвийских монет с изображением стрелка, — т. е. входящих в состав серии, выпущенной от имени колони Семии, — то ничто, на наш взгляд, не препятствует относить и ее к концу того же III в. до н. э. О недостаточности аргументации, построенной исключительно на мнимом портретном сходстве изображений Аполлона на этих монетах с чертами Мифрадата Евпатора, было сказано выше. Но в остальном вся типология этой серии находит близкие анало-

⁷⁸ Об ольвийском серебре III в. до н. э. см. П. И. Карышковский, З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. «Археологія», т. XI, 1957, стр. 53—54, 58; ср. же. Серебряные монеты Ольвии из раскопок 1957 г. НЭ, т. II, 1960, стр. 14—27.

⁷⁹ П. О. Карышковский, О классификации серебряных статеров, стр. 69—77; ср. же. Дополнения до истории монетной справи Ольвії. МАПІ, вып. III, 1960, стр. 234—235.

⁸⁰ П. О. Карышковский, Золотые монеты Ольвии с изображениями Деметры и дельфина. ВДИ, 1960, № 3, стр. 134—139.

⁸¹ В. Риск, Ук. соч., табл. IX, 18.

⁸² А. Н. Зограф, Античные монеты, табл. XXXII, 3 и 7.

⁸³ В. Риск, Ук. соч., табл. X, 4.

⁸⁴ Ср. таблицу весовых номиналов эгинской системы в городах Северного Причерноморья — А. Л. Бертъе-Делагард, Материалы для весовых исследований, стр. 96—97.

гии именно среди монет III в. до н. э. Так, облик «Великого бога» на старшем номинале меди с обозначением коллегии Семи весьма близок к изображениям на «борисфенах» и к изображению бородатого речного божества (вероятно, того же Борисфена) на мелких медных монетах, датированных серединой III в. до н. э.⁸⁵; изображение Аполлона на среднем и младшем номинале монет коллегии Семи невозможно отделить от изображения этого божества на первых ольвийских дидрахмах родосской системы, чеканенных на рубеже первой и второй четверти III в. до н. э.⁸⁶ Секира и горит, помещенные на обороте монет с изображением «Великого бога», встречаются не только на «борисфенах», чекан которых прекращается около середины III в. до н. э., но и на медных монетах с изображениями Деметры, а также на серебряных драхмах с изображением Геракла; и те и другие датируются примерно третьей четвертью того же III в. до н. э.⁸⁷ Наконец, горит, помещенный на младшем номинале серии с надписью OI EΠTA, скопирован с тех же «борисфенов» либо примыкающих к ним монет с изображением скифского оружия. Равным образом и стиль монет коллегии Семи не позволяет относить их к концу I или началу I вв. до н. э., а имеющиеся на них надчеканки и перечеканки тесно связывают эту серию с другими перечеканенными монетами времени денежного кризиса, охватившего в середине и в конце III в. до н. э. Ольвию⁸⁸.

К датировке монет коллегии Семи концом III или началом II вв. до н. э. можно подойти и другим путем. Дело в том, что существование и активность этой коллегии засвидетельствованы именно в эпиграфических документах III в. до н. э., когда коллегия Семи не только ведала священной казной и принимает связанные с этим постановления⁸⁹, но и вносит вместе с архонтами проекты декретов в народное собрание⁹⁰. Ни в конце II в. до н. э., ни во времена Мифрадата Евпатора мы не находим о деятельности Семи никаких сведений.

В заключение следует добавить, что косвенное подтверждение отношения всех видов монет с изображением стрелка к концу IV и к III вв. до н. э. дают и некоторые редчайшие монеты Херсонеса, входящие в состав серии, отмеченной именем Агасикла⁹¹. Так как перед нами известный и надписи о размежевании виноградников Агасикл, сын Ктесия, являвшийся также агораномом⁹², то его монеты датируются вполне определенно

⁸⁵ В. Риск. Ук. соч., табл. IX, 24, 26—29, 32.

⁸⁶ Там же, табл. IX, 9; табл. X, 5—6.

⁸⁷ Там же, табл. IX, 26—27, 30, 32; табл. X, 23. О датировке этих монет см. П. О. Карышковский. Серебряные монеты Ольвии из раскопок 1957 г., стр. 17—27; ер же. Ольвийские монеты, найденные поблизу Одессы. Праці ОДУ, т. 149, сер. ист. нау. вып. 7, 1959, стр. 138—142.

⁸⁸ П. О. Карышковский. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э., ЗОАО, т. I, 1961, стр. 113—115.

⁸⁹ IOSPE, I², № 76; ср. В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе Ольвии, СПб., 1887, стр. 292—294; В. Д. Блаватский. Земледелие античных государств Северного Причерноморья, стр. 205—206.

⁹⁰ IOSPE, I², №№ 26, 31, 32 А-2. То обстоятельство, что изображение стрелка падает на монеты, выпущенные от имени коллегии, тесно связанной с культом, является, может быть, подтверждением высказанного выше предположения об агонистическом характере этого типа.

⁹¹ А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса, табл. I, 5—7. Ср. Ch. Giel. Kleine Beitrage zur antiken Numismatik Sudrusslands. M., 1886, табл. I, 4.

⁹² IOSPE, I², № 418; ср. Р. Б. Ахмеров. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса. ВДИ, 1949, № 4, табл. II, 2.

концом IV в. до н. э.⁹³. И вот, на одном из номиналов монет, отмеченных именем Агасикла, мы находим на обороте изображение лучника, близкое к соответствующему изображению на монетах Ольвии, хотя и обращенное в противоположную сторону. Учитывая тесные связи между Ольвией и Херсонесом в эллинистическое время, которые стали так определенно обрисовываться в свете находок последних лет, в таком подожании нет ничего удивительного⁹⁴.

2. Ольвийские монеты времени Мифрадата Евпатора

Отодвигая медные монеты Сострата и коллегии Семи к концу IV и III вв. до н. э., мы становимся перед затруднением, которое, несомненно, следует рассмотреть тут же. В самом деле, какие же монеты выпускались ольвиополитами во времена Мифрадата Евпатора, т. е. в конце II в. до н. э. в первой трети I вв. до н. э.? Правда, относящийся к этому периоду декрет в честь Никерата и другие эпиграфические памятники рисуют значительные трудности, с которыми приходилось иметь дело ольвиополитам⁹⁵; с другой стороны, в Ольвии обращалось, судя по монетным находкам, немало меди Амиса, Синопы и других городов Понтийского царства⁹⁶; но на этом основании нельзя, разумеется, заключать о полном прекращении работы ольвийского монетного двора. Между тем, если принимать хронологические даты, установленные для монет Ольвии Н. Зографом⁹⁷, и в то же время относить все монеты с изображениями лучников к более раннему времени, то невольно напрашивается вывод, что между 120 и 60 гг. до н. э. в Ольвии не чеканили ни серебра, ни меди. Это, как отмечено выше, маловероятно само по себе; к тому же в городе стоял понтийский гарнизон и положение Ольвии вряд ли являлось настолько бедственным, чтобы граждане были вынуждены отказаться от одного из важнейших проявлений своего суверенитета.

Представляется, однако, что к занимающему нас времени можно с почти полной уверенностью отнести некоторые разновидности монет Ольвии. Прежде всего, к началу I в. до н. э. должны быть приурочены редкие медные монетки с именами магистратов ПОЛУ и ЕΥΡΗ⁹⁸. На оборотах представлено оружие — копье с помещенным на середине древка круглым щитом — явное указание на переживаемые Ольвией трудности, о которых так ярко сообщает упомянутый выше декрет в честь Никерата⁹⁹. Еще более любопытен тип изображений на лицевой

⁹³ А. Л. Бертъе-Делагард. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса, стр. 248—250; ср. лемму к IOSPE, I², № 418.

⁹⁴ Е. И. Леви. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 94—102.

⁹⁵ IOSPE, I², №№ 34—35.

⁹⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 136; его же. Находки понтийских монет Мифрадатского времени в Ольвии. «Ольвия», т. I, 1940, стр. 293—299.

⁹⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 130—137.

⁹⁸ С именем Поли...—В. Риск. Ук. соч., табл. X, 37 (ср. П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VI, 117); с именем Гевре...—А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. НС, т. III, 1915, табл. 11, 22. Орешников правильно дополняет имя на публикуемой им монете как Гевресибий, но буквы ПОЛУ (Πολυ) трудно дополнить с уверенностью.

⁹⁹ IOSPE, I², № 34. Ср. В. В. Латышев. Исследования, стр. 139—141; С. С. Гажевский. До ольвийских декретов на пошану Протогена и Никерата. ЗИФВ, VII—VIII, 1926, стр. 576—578. Декрет Никерата должен быть отнесен либо к последним годам II в. до н. э., либо к периоду, непосредственно предшествовавшему разрушению города гетами (ок. 50 г. до н. э.); первая датировка представляется нам более вероятной.

стороне этих монет: голова Афины в увенчанном высоким гребнем шле-
ме столь явно скопирована с крупных медных монет городов Понта
Пафлагонии, являющихся, в свою очередь, близким подражанием афин-
ским тетрадрахам нового стиля, что в отнесение ольвийских монеток к
началу I в. до н. э. не может вызвать сомнений — данная группа мед-
ной монеты Понтийской державы твердо датируется 105—90 гг. до н. э.¹⁰⁰ Таким об-
разом, мелкие монетки с Афиной в украшенном высоким гребнем шлем-
е можно рассматривать как первое нумизматическое указание на связь
Ольвии с царством Мифрадата и наиболее вероятной их датой буде-
т первое или второе десятилетие I в. до н. э.

Следующая серия ольвийской меди, относящаяся к этой эпохе, пред-
ставлена пятью последовательно уменьшающимися номиналами. На
монетах первого из них находим изображение Зевса и на обороте ски-
петр, атрибут громовержца¹⁰¹; на втором месте должны быть поставле-
ны монеты с изображениями Аполлона и посвященного ему дельфина¹⁰²,
за ними следуют монетки с уже известным нам по предшествующему ви-
данию пуску изображением Афины и копья со щитом на обороте¹⁰³; наконец,
той же серии принадлежат мелкие монетки с изображениями Кибелы
и тимпана¹⁰⁴ или Гермеса и керикея¹⁰⁵. Объединение всех перечислен-
ных номиналов в одну серию основывается на единстве фактуры и сти-
ля этих монет, на точном соответствии во всех пяти их разновидностях
изображений на оборотной стороне именно тому божеству, какое пре-
ставлено на их лицевых сторонах, а также на том, что все пять сорт-
ов описываемой меди известны с одной и той же надчеканкой — оваль-
ной с изображением ветви (два старших номинала имеют час-
тично еще второе клеймо, круглое, с изображением восьмиконечной звез-
ды или солнца; наконец, изредка на монетах самого старшего номина-
ла встречается и третье клеймо, также овальное, с изображением плывущ-
его вправо дельфина). Особенностью всех этих монет является и нача-
ло титания имени города, более полное, чем на всех предшествующих монетах
Ольвии — вместо традиционного сокращения O ΛΒΙΟ (реже OΛΒ и
OΛ) мы впервые встречаемся здесь с надписью O ΛΒΙΟΠΟΛΙΤΕΩΝ,
на монетах с изображением Зевса и с ее усеченным вариантом OΛΒΙΟΠ
ΛΙ на всех прочих.

А. Н. Зограф датирует занимающую нас серию ольвийской меди
послегетским временем, а именно, последним десятилетием I в. до н. э.
Но такой вывод основан лишь на соображении, высказанном
И. Фридлиндером, который сопоставил изображение скипетра на кру-
пной меди с Зевсом с подобным изображением на монетах Кесарей

¹⁰⁰ W. H. Waddington, E. Babelon, Th. Reinach. Ук. соч., т. I, в. 1, табл. VII, 10; XI, 24; XII, 19; XVIII, 14; XXVI, 9. Ср. F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung des Mithradatischen Reiches. NZ, нов. сер., т. V, 1912, стр. 176—179, 183—184.

¹⁰¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIV, 1; В. Риск. Ук. соч., т. I, XI, 3; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VI, 105—106.

¹⁰² А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIV, 2; В. Риск. Ук. соч., т. I, X, 34; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. IV, 50—51.

¹⁰³ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIV, 3; В. Риск. Ук. соч., т. I, X, 36; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VI, 116.

¹⁰⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIV, 4; В. Риск. Ук. соч., т. I, X, 35; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VII, 151.

¹⁰⁵ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIV, 5; В. Риск. Ук. соч., т. I, X, 33; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VII, 150.

¹⁰⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 139—140.

орской (т. е. Пантикапея)¹⁰⁷. К этому А. Н. Зограф добавляет, что вся
эта серия медных ольвийских монет может быть сблизена также и с из-
вестной группой боспорской меди с сокращением ВАЕ, так как в обоих
лучаях последовательно выдерживается «прием снабжения каждого
индивидуального божества соответствующим ему атрибутом»¹⁰⁸.

Присматриваясь ближе к этой аргументации, трудно признать ее
убедительной. С одной стороны, на монетах боспорской Кесарей поме-
нен не жезл или скипетр, а факел¹⁰⁹. С другой — сами монеты с сокра-
щенным ВАЕ являются подражанием городской понтийской меди времени
Мифрадата¹¹⁰. Наконец, весьма сомнительно, что Ольвия уже к послед-
нему десятилетию I в. до н. э. до такой степени оправилась от гетского
огрома, что ее жители решились выпустить серию столь мелких номи-
налов меди, да еще с таким сложным и претенциозным репертуаром ти-
пов; во всяком случае, Тира и города Западного Понта в эпоху Августа
не чеканили почти ничего или чеканили очень мало¹¹¹.

Вместе с этим, монеты, которым посвящены настоящие замечания,
имеют ряд таких черт, которые тесно связывают их с монетными сериями
боспорской Ольвии. В этой связи следует указать на традиционный для
Ольвии характер таких типов, как Аполлон и дельфин¹¹², а также на бли-
зость изображений Афины, копья со щитом, Гермеса и керикея к типам
ольвийской меди конца II и начала I в. до н. э.¹¹³ Кроме того, появление
полного названия общины ольвиополитов было бы рискованно относить
только к римскому времени — в Пантикапее, например, надпись ПАНТИ-
ΑΠΑΙΤΩΝ вместо прежних сокращений ПАН или ΠΑΝΤΙ появляется
уже в начале II в. до н. э.¹¹⁴, а на монетах Фанагории надпись ΦΑΝΑΓΟ-
ΡΑΙΤΩΝ вместо ΦΑ становится обычной незадолго до времени Мифрада-
та Евпатора¹¹⁵; также и в Херсонесе полное имя города появляется на
монетах в конце правления Мифрадата или в начале правления Фарна-
ка¹¹⁶. Да и вся сложность серии ольвийской меди, состоящей из пяти
мелких номиналов, разнообразие типов, последовательно выдержанное
строгое соответствие типологии изображений на реверсах характеру
представленных на аверсах божеств, — все это ведет нас к понтийским
городам эпохи Мифрадата, с которыми ольвиополиты поддерживали
живые сношения¹¹⁷.

¹⁰⁷ J. Friedländer. Muenzen von Phanagoria unter den Namen Agrippias und Maiea. NZ, т. II, 1870, стр. 283.

¹⁰⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 140, ср. стр. 194.

¹⁰⁹ А. В. Орешников. Экскурсы в область древней нумизматики, стр. 41—42.

¹¹⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 193—196; А. Л. Бертье-Делагард. Монеты властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами. ЗООИД, XXIX, 1911, стр. 119—139.

¹¹¹ А. Н. Зограф. Монеты Тире. М., 1957, стр. 30—31; В. Риск. Ук. соч., стр. 93, 154—155; ср. вторую часть этого тома, написанную в сотрудничестве с К. Регингом (1910), стр. 525, 608—613. О разгроме Ольвии, кроме известного описания Пана (XXXVI, 4), см. замечания Б. В. Фармаковского (Раскопки в Ольвии. ВК за 1907 г., СПб., 1910, стр. 55—56).

¹¹² В. Риск. Ук. соч., табл. X, 34; ср. табл. IX, 8—9, 12—19, 22—24.

¹¹³ Там же, табл. X, 36—37 и 32—33.

¹¹⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 181; Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 158, 163, 167.

¹¹⁵ А. Н. Зограф. Там же; ср. Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 176.

¹¹⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 152.

¹¹⁷ F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung, стр. 169 сл. Ср. А. Н. Зограф. Раскопки понтийских монет, стр. 295—297; С. А. Жебелев. Ольвия и Мифрадат. «Ольвия», т. I, 1940, стр. 281—292.

Стремясь уточнить время выпуска изучаемой серии ольвийских медных монет, мы встречаемся со многими трудностями. Изображение Зевса на понтийской меди появляется рано, еще в конце II в. (между 111 и 105 гг. до н. э. по Имгооф-Блумеру)¹¹⁸, но затем исчезает и снова встречается лишь в самом конце правления Мифрадата (между 80 и 70 гг. до н. э. по Имгооф-Блумеру)¹¹⁹; ольвийские резчики штемпелев насколько можно судить по стилю их произведений, ориентировались на более поздние образцы; к тому же ольвийская медь с изображением Зевса и по весу близка к последним, а не к ранним понтийским монетам с таким же изображением¹²⁰. Нельзя, однако, не подчеркнуть, что это на первый взгляд, противоречит то обстоятельству, что именно ранние выпуски городских монет Понта и Пафлагонии лишены, как и занимающие нас монеты Ольвии, всяких упоминаний о магистратах, тогда как поздние серии меди Мифрадатовой державы, напротив, всегда снабжены многочисленными монограммами, представляющими, несомненно, сокращения собственных имен¹²¹.

Нам представляется все же, что ольвийская медь должна быть датирована последними годами правления Мифрадата Евпатора, когда он уже потерял свои наследственные владения и готовился к последней схватке с Римом. Что касается отсутствия на монетах Ольвии всякого указания на городские власти в лице их монетных или иных магистратов, то это находит себе объяснение в той политике, которую осуществлял Мифрадат в Северном Причерноморье, стремясь к максимальной мобилизации всех его ресурсов¹²². К тому же есть основания полагать, что и на меди Понтийского царства выставлялись сокращения имен городских магистратов, а царских уполномоченных¹²³. На основании всех этих соображений мы склонны датировать выпуск всей серии ольвийских монет с изображениями Зевса, Аполлона, Афины, Кибелы и Гермеса примерно 73—63 гг. до н. э.

Тот факт, что все эти монеты подверглись надчеканке, некоторыми даже дважды и даже три раза, свидетельствует о том, что в дальнейшем Ольвия сравнительно долго не выпускала своей монеты. И это вполне понятно: держава Мифрадата окончательно рухнула в 63 г. до н. э., около 60 г. до н. э. гетский предводитель Буребиста начал военные действия против западных соседей своей родины¹²⁴. Десятью годами позже Ольвия была уже разрушена гетами, и скорее всего в этот бурный период никакой новой монеты ольвиополиты не чеканили: в городе оставалось, по-видимому, достаточное количество собственной меди, а также немало монеты южнопонтийских городов.

¹¹⁸ F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung, стр. 174—175, 183.

¹¹⁹ Там же, стр. 181—183.

¹²⁰ В. Риск. Ук. соч., табл. XI, 3; ср. F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung, табл. I, 19—24 и табл. II, 24—28.

¹²¹ F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung, стр. 170—182, ср. табл. 1—11.

¹²² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.-Л., 1949, стр. 306—310; Д. Каллистов. Боспор, Мифрадат Евпатор и Рим. ВДИ, 1938, № 2, стр. 276—280; Н. И. Новосадский. Последние годы борьбы Мифрадата с Римом. Труды РАНИОН. т. IV, 1928, стр. 345—356.

¹²³ Об этом говорит идентичность монограмм на монетах различных городов Понта и Пафлагонии.

¹²⁴ М. Макря. Буребиста и кельты на Среднем Дунае. „Dacia“ нов. сер., т. 1958, стр. 145—155; Т. Д. Златковская. Племенной союз гетов под руководством Буребисты. ВДИ, 1955, № 2, стр. 82—91.

В Ольвии известны, впрочем, монеты, которые уже давно признаны выпуски мифрадатовской эпохи. На одном сорте этих небольших медных монет мы находим изображения треножника и дельфина между монограммами Диоскуров¹²⁵, на другом — голову Аполлона, горит и звезды, а также символ Диоскуров¹²⁶; имя города дано на них в виде сокращения А-ВІ, части которого помещены в одном случае по сторонам треножника, а в другом — по сторонам вертикально поставленного горита; имен ольвийских сановников также нет. Эти маленькие монетки следует, по нашему взгляду, относить к 80-м или к 70-м годам I в. до н. э.¹²⁷

Немаловажной особенностью всех типов ольвийской меди мифрадатовского времени является то, что чеканились преимущественно монеты с мелкими номиналами: вес медных монеток с именами ПОЛУ и УРН колеблется около 2,5 г, таков же примерно и средний вес монеток с изображением треножника, а вес монеток с горитом и звездами Диоскуров составляет всего 1,8—1,85 г. В последней серии мифрадатовой меры средние веса пяти ее номиналов следуют в таком порядке: 7 г, 4 г, 2,75 г, 2,25 г. Это преобладание мелких номиналов станет, однако, совершенно понятным, если учесть, что в Ольвии обращалось в эти десятилетия много медных монет городов Понтийского государства, причем чаще всего встречаются монеты среднего номинала (тетраخالки по Имгооф-Блумеру, со средним весом около 8 г) и иногда — старшего (подимому, оболы, весом около 19 г), но никогда — мелкие подразделения монеты¹²⁸; такими мелкими подразделениями и являлись собственные монеты ольвиополитов; рассмотренные в настоящей заметке.

3. Серебряные монеты Ольвии с изображением Афины

В первой половине I в. до н. э. под властью Мифрадата Евпатора ходились также города Боспора и Херсонеса; характерной чертой их монетного дела является выпуск не только меди, но и серебра, причем в малом количестве¹²⁹; поэтому вполне закономерен вопрос, не чеканили ли ольвиополиты серебряной монеты одновременно с описанными выше сериями городской мелкой меди? А. Н. Зограф, относивший ко времени Мифрадата мелкое серебро с изображениями богини в стеной монете и стрелка, отвечал на этот вопрос утвердительно¹³⁰. Но так как в одной из предшествующих заметок показано, что все монеты с лучником, в том числе и серебряные, следует датировать концом IV и III вв. до н. э., то мы должны заключить, что ольвиополиты, в отличие от граждан Херсонеса и боспорских городов, не имели в первой половине I в. до н. э. своей серебряной монеты.

Прежде чем попытаться объяснить причины этого явления, следует остановиться на монетах, которые при известных условиях могли бы быть отнесены к занимающему нас времени. Так как в русской и советской нумизматической литературе эти монеты никогда не издавались, поэтому нелишним подробно описать монеты, о которых идет речь, вос-

¹²⁵ В. Риск. Ук. соч., табл. X, 31; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VI, 100—101.

¹²⁶ В. Риск. Ук. соч., табл. X, 30; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. V, 89.

¹²⁷ Укажем на аналогичные изображения треножника на монетах Понта - F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung, табл. I, 14—16.

¹²⁸ А. Н. Зограф. Находки понтийских монет, стр. 294—295; ср. F. Imhoof-Blumer. Die Kupferprägung, стр. 170—183.

¹²⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 186—188, ср. стр. 152.

¹³⁰ Там же, стр. 136.

пользовавшись для этого экземпляром Одесского археологического музея.

Ав. Голова Афины в шлеме, вправо; сзади у затылка ветвь в овальном клейме подобная ветви в клейме на медных монетах последней мифрадатовской серии.
 Рев. Вертикально поставленное копье, на средней части древка круглый щит с надписью в две строки, разделенная копьем на две части — ОΛ·ΒΙΟ и ΠΟ·Α·Ι·
 Слева в поле сложная монограмма из букв Ε, Φ, Π, Α и Ι.
 Серебро. Диаметр 20—21 мм. Вес 6,04 г. Сохранность хорошая.

Кроме монеты Одесского музея, нам известны еще четыре точно таковых экземпляра в собрании Государственного Эрмитажа (веса 6,18; 5,87; 5,83 и 5,41 г), один экземпляр в Государственном историческом музее в Москве (вес 5,57 г) и четыре других экземпляра в частных коллекциях (веса 6,14; 5,93; 5,81 и 5,51 г). Все десять монет происходят от одной пары штемпелей и надчеканка на них выбита одним пунсоном.

Монеты описанного типа известны также и в зарубежных собраниях. Экземпляр, весящий 5,61 г и происходящий из коллекции А. Л. Бертье-Делагарда, был дважды издан в аукционных каталогах швейцарской фирмы Навий¹³¹. Другой экземпляр, вес которого не указан, опубликован в каталоге английской фирмы Сиби и Глендинг¹⁰²; третий (вес 5,71 г) — в каталоге немецкой фирмы Гесс¹³³. Наконец, официально признанное, если так можно выразиться, занимающие нас монеты получили после публикации еще одного экземпляра (вес 5,71 г, но монета не идентична с предыдущей) в составе богатой коллекции Датского Национального музея¹³⁴, так что составитель одного из последних по времени выхода американских руководств по античной нумизматике приводит подобную монету вообще в качестве единственного образца монетного дела Ольвии¹³⁵. Все монеты из зарубежных собраний выбиты, судя по репродукциям, той же парой штемпелей, что и изученные нами в оригиналах монеты отечественных коллекций.

Нельзя не признать, что эти серебряные монеты без всяких затруднений могли бы быть отнесены ко времени Мифрадата. Типы их — Афина на лицевой стороне и копье со щитом на оборотной — дважды встречаются в таком сочетании на медных монетах первой половины I в. до н. э. (см. предшествующую заметку), причем на этих медных монетах имя города дано точно в такой форме, как на публикуемом серебре; монограмма также связывает это серебро с эпохой Мифрадата — достаточно вспомнить о многочисленных монограммах понтийской меди и городов Боспора; наконец, клеймо с ветвью, никогда прежде не находившее себе места на монетах Ольвии, позволяет тесно сблизить занимающие нас серебряные монеты с головой Афины с последней серией меди мифрадатовского времени¹³⁶.

¹³¹ Naville et Co. Catalogue № 5. Monnaies grecques autonomes etc., Genève 1923, стр. 64, № 1573, табл. 48; Catalogue № 17. Monnaies antiques grecques etc., Genève, 1934, стр. 22, № 400, табл. 12.

¹³² В. А. Seaby. R. Glending and C^o. Catalogue № 2. Coins from various Collections. London, 1929, стр. 15, № 318, табл. II.

¹³³ Ad. Hess Nachfolger. Katalog № 224 Antike Muenzen. Frankfurt am Main 1936, стр. 16, № 493, табл. 3.

¹³⁴ Sylloge nummorum Graecarum. Danish series. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. Thraee, ч. I, Copenhagen, 1942, табл. I № 100 и текст. Монета приобретена у фирмы Заплетал в 1925 г.

¹³⁵ Z. H. Klawns. An Outline of Ancient Greek Coins. Racine (Wisconsin, USA) 1959, стр. 121, рис. в тексте (экземпляр, ранее изданный в каталоге Гесса).

¹³⁶ Составители аукционных каталогов датируют их временем около 200 г. до н. э. или промежутком между 300—100 гг. до н. э.

Между тем, можно указать ряд доводов, которые заставляют отнести к серебряным монетам с Афиной и оружием с большим подозрением. Так, было бы затруднительно определить, к какой монетной системе эти принадлежат и какой представляют номинал: составитель каталога Датского Национального музея называет публикуемый им экземпляр драхмой, однако средний вес монет этого сорта составляет 5,77 г; это могло бы быть драхмой разве только эгинской системы, но стиль и характер типов и надписи заставляют относить эти монеты к такому времени, когда по эгинской системе уже не чеканил ни один центр Причерноморья. С другой стороны, этот вес явно недостаточен для того, чтобы выдать здесь дидрахму родосской системы, по которой чеканилось ольвийское серебро III—II вв. до н. э.¹³⁷; к аттической системе, по которой выпускали свое серебро в эпоху Мифрадата Евпатора города Боспора и Персонес¹³⁸, средний вес 5,77 также явно не подходит.

Не меньшие подозрения возникают и при изучении технических особенностей известных экземпляров рассматриваемого серебра. Вес 14 монет происходит, как уже отмечалось, от одной пары штемпелей, причем во всех случаях эти штемпеля занимают строго определенное положение один по отношению к другому. Все надчеканки также выбиты одним пунсоном, и клеймо всегда приходится точно на одно и то же место монетного кружка: на аверсе оно стоит за затылком Афины, а на реверсе во всех без исключения случаях оказалась расплюснутой та часть поля, где заканчивается первая строка надписи, так что «iota» изглажена не полностью, а конечный «омикрон» совершенно не читается. Кроме того, часть изображенной в клейме ветви всегда занимает строго одинаковое положение по отношению к голове богини. Наконец, не лишено значения, что из 14 известных нам экземпляров три представляют собой несомненные субэраты — техника, совершенно неизвестная ольвийскому монетному делу во все времена существования Ольвии¹³⁹.

Особых замечаний заслуживает голова Афины, изображенная на аверсах изучаемых монет. Обычно резчики штемпелей свободно моделировали волосы, ниспадающие из-под шлемного назатыльника на шею богини, иногда изображали их, как на некоторых статерах Александра Македонского, в виде туго закрученных прямых локонов¹⁴⁰. На наших монетах эта часть штемпеля проработана недостаточно тщательно — волосы Афины представлены в виде слабо изогнутых остроконечных прядей, часть которых, отличающаяся от прочих своей длиной, круто изгибается вперед, прикрывая обрез шеи. Кроме того, гребень, венчающий шлем Афины, трактован крайне плоско, так что можно полагать, что резчик ориентировался не на реальный предмет, а на фоторепродукцию какой-либо монеты Александра; в самом деле, весь тип аверса, несомненно, выполнен как сознательное подражание изображению Афины на статерах этого царя.

Несколько необычно выглядит и монограмма, выставленная на реверсе ольвийских серебряных монет. В ней различаются буквы Ε, Φ, Π, Α и Ι, что можно было бы расшифровать разве лишь как сокращение

¹³⁷ П. О. Карышковский. Серебряные монеты Ольвии из раскопок 1957 г., стр. 21—27; его же. Ольвия та Родос. МАПН, вып. II, 1959, стр. 76—79.

¹³⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 151, 186 и др.

¹³⁹ Субэратным является и экземпляр, изданный Гессом.

¹⁴⁰ См., например, таблицы при статье Е. М. Придика (Анадольский клад золотых статеров 1895 г. ИАК, вып. 3, 1902).

двух имен; однако случаев объединения имен двух магистратов в одной монограмме мы не знаем ни в Ольвии, ни в других городах античного мира — обычно каждому лицу соответствует определенное сокращение монограмма, и на некоторых видах монет соответственно этому помещаются две и даже три монограммы¹⁴¹. Добавим, что и сама сложность этих монограмм не находит в Ольвии параллелей — только на некоторых «борисфенах» начала III в. до н. э. попадаются, и то довольно редко, настолько сложные монограммы, что их можно было бы сравнить с монограммой на занимающем нас серебре, а с последней четверти III в. и до конца II в. до н. э. имена сановников обычно передаются просто своими первыми буквами¹⁴².

Каждой из отмеченных черт — вес, технические признаки, характер изображения Афины, монограмма — было бы, быть может, недостаточно для признания всех этих монет произведением новейшего фальсификатора, но вряд ли возможно допустить, что все эти подозрительные особенности случайно объединились именно в одной группе монет, происходящих к тому же от одной единственной пары штемпелей. Нетрудно указать и на то, чем руководствовался фальсификатор — образцом для него послужили, несомненно, медные монеты мифрадатовского времени, подробно рассмотренные в предыдущей заметке¹⁴³, причем резчик штемпелей переработал довольно сухое изображение Афины на мелкой медной монете, избрав в качестве примера для подражания самое распространенное изображение такой головы на золоте Александра Македонского; значительно раньше, что волосы, ниспадающие из-под шлемного назатыльника, будто деформированы при наложении клейма, также скопированного с подлинных ольвийских монет, он не уделил этой части штемпеля надлежащего внимания. С другой стороны, для заполнения поля на реверсе была придумана монограмма, явно не соответствующая по характеру подлинным античным образцам. Но при всем том мы должны заметить, что в целом штемпеля выполнены на довольно высоком художественно-техническом уровне, так что наши монеты ввели в обман, как показали выше, многих специалистов¹⁴⁴.

Следует в заключение добавить, что поддельность занимающих нас монет была отмечена в нумизматической литературе. На страницах неведомого безызвестного журнала «Старая монета» им была посвящена небольшая анонимная заметка, из которой следует, что в начале 1911 г. В. И. Гошкевичу было предложено приобрести такую монету; так как она вызвала сомнения относительно своей подлинности, В. И. Гошкевич обратился за разъяснением в Эрмитаж, откуда вскоре получил, говоря словами автора заметки, «подтверждение его соображений, оказывающее, что Эрмитаж получил уже семь таких монет с предложением купить их»¹⁴⁵. Монета описана в заметке вполне определенно, так что не приходится сомневаться, что речь идет именно о занимающем нас серебре. Тому же указание на то, что предложенный Херсонскому музею эмитентом земляр происходил из Очакова, позволяет догадываться, что все э

митентом были произведением известных очаковских фальсификаторов-евреев¹⁴⁶.

Надо сказать, что хотя в собрании А. Л. Бертье-Делагарда был экземпляр интересующей нас подделки¹⁴⁷, этот выдающийся знаток монет обманывался относительно ее достоинства. Впрочем, в самом начале начался был обман — в письме А. В. Орешникову от 5 ноября 1910 г. сообщается: «Только что мне принесли удивительную ольвийскую монету — подлинную, конечно; то же в то же Бур., табл. VI, 117, но серебряная»¹⁴⁸. Спустя несколько недель, ознакомившись с обстоятельствами и получив еще несколько совершенно таких же монет, А. Л. Бертье-Делагард высказался о них вполне определенно: «Нет ни малейшего сомнения в их поддельности»¹⁴⁹. С этим заключением нам остается лишь согласиться — серебряные ольвийские монеты с изображениями Афины и оружия имеют отношения к истории монетного дела древней Ольвии и не должны приниматься в расчет при его изучении.

¹⁴⁶ См. В. В. Латышев. О поддельных греческих надписях из Южной России. ЗООИД, т. XVIII, 1895, стр. 1—18; А. Л. Бертье-Делагард. Подделка греческих надписей на юге России. ЗООИД, т. XIX, 1896, стр. 27—68; Э. Р. Штерн. Несколько заметок по поводу статьи В. В. Латышева о поддельных греческих надписях. ЗООИД, т. XVIII, 1895, стр. 65—86; его же. О подделке предметов классической древности на юге России. ЖМНП, 1896, № 12, стр. 129—159 (и сокращенно — в I т. Трудов Х АС, т. 189—196); его же. О новейших подделках из области керамики. ЗООИД, т. XX, 1907, стр. 37—41; его же. По поводу надгробного памятника Евривия и Ареты. ЗООИД, т. XXV, 1904, Протоколы, стр. 119—126; его же. Новый способ подделки античных ваз. ЗООИД, т. XXVI, 1906, Протоколы, стр. 5—15 (второй пагинации); его же. О новом способе фальсификации в серебре и в мраморе. Там же, стр. 55—59.

¹⁴⁷ См. выше, прим. 131.

¹⁴⁸ Архив ГИМ, фонд № 136, дело № 9, л. 55.

¹⁴⁹ Письмо от 22 декабря 1910 г., там же, л. 58. Следы этих колебаний находим и в частной работе Бертье-Делагарда «Материалы для весовых исследований», над которой он в это время трудился: на стр. 65 в группе F отмечены серебряные монеты с изображением Паллады, но только в заголовке; в тексте мы находим в этой группе лишь монеты с изображениями Аполлона, Артемиды, Гермеса или буквания; в списке опечаток к этому месту дано лаконичное указание: «Исключить Палладу».

¹⁴¹ V. Gardthausen. Das alte Monogramm. Leipzig, 1924, стр. 32.

¹⁴² Такие простые лигатуры, как соединение Н и Р (например, в имени ЕИРН) при этом не приходится брать в расчет.

¹⁴³ А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIV, 3; В. Риск. Ук. соч., табл. 36; П. О. Бурачков. Ук. соч., табл. VI, 116.

¹⁴⁴ Впрочем, в Эрмитаже все они хранятся среди подделок.

¹⁴⁵ «Старая монета», год 2, 1911, № 2, стр. 27.